Малько А. В. Юридическая доктрина как важнейшее направление современной российской правовой политики. Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: науч.-практ. конф. (3—4 октября 2001 г.) / под ред. А. И. Демидова. Саратов, 2001.

Нешатаева Т. Н. К вопросу об источниках права — судебном прецеденте и доктрине // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 5.

Павликов С. Г. Конституционная доктрина правового государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7.

Пузилов Р. В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003.

Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации»)

РУДНЕВ Дмитрий Владимирович, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: rudnevd@mail.ru

САДОВА Татьяна Семеновна, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: tatsad_90@mail.ru

В статье анализируется проблема соотношения понятий «русский язык как государственный язык» и «современный русский литературный язык» в связи с реализацией Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации». Отсутствие дефиниции «русский язык как государственный язык» в тексте Закона ставит вопрос о том, могут ли в полной мере использоваться нормы современного русского литературного языка в рамках государственной коммуникации. Анализируя сферы употребления русского языка как государственного языка Российской Федерации и русского литературного языка, авторы приходят к выводу о том, что эти сферы совпадают лишь частично. Вследствие этого лингвистические характеристики, а потому и нормы русского языка как государственного языка Российской Федерации и русского литературного языка не могут полностью совпадать. Неоднородность норм русского литературного языка также затрудняет их применение в рамках русского языка как государственного языка Российской Федерации. Сделанные наблюдения, а также рекомендации могут быть использованы при построении правовой дефиниции «русский язык как государственный язык».

Ключевые слова: русский язык как государственный язык, русский литературный язык, норма, государственная коммуникация, правовая коммуникация.

Russian Language as the State Language of the Russian Federation and Contemporary Russian Literary Language (in the Framework of Implementation of the Federal Law “On State Language of the Russian Federation”)

D. V. RUDNEV, candidate of philological sciences
St. Petersburg State University
11, Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia, 199034
E-mail: rudnevd@mail.ru

T. S. SADOVA, doctor of philological sciences
 St. Petersburg State University
 11, Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia, 199034
 E-mail: tatsad_90@mail.ru

The paper deals with the problem of correlation between the concepts of “Russian language as the state language” and “contemporary Russian literary language” in connection with the implementation of the federal law “On the state language of the Russian Federation”. The absence of definition of “Russian language as the state language” in the text of the law raises the question of lawfulness to use all norms of the modern Russian literary language within state communication. By analyzing the sphere of Russian language usage as the state language of the Russian Federation and the Russian literary language, the authors conclude that these spheres coincide only partially. Consequently, linguistic characteristics, and therefore norms of Russian language as the state language of the Russian Federation and the Russian literary language may not coincide exactly. The heterogeneity of norms of the Russian literary language also makes them difficult to use within Russian language as the state language of the Russian Federation. The observations and recommendations can be used in constructing the legal definition of “Russian language as the state language”.

Keywords: Russian language as the state language, the Russian literary language, norm, public communication, legal communication.

DOI: 10.12737/24115

Существование Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (далее — Закон) следует признать важнейшим показателем зрелости нынешней российской государственности в том смысле, что языковая политика, а также связанное с ней представление о языковой безопасности страны признаются идеями не эфемерными, но вполне реальными, а потому требующими пристального внимания специалистов различных областей гуманитарной науки.

Почти сразу после принятия Закона ряд лингвистов и юристов указали на серьезные недостатки в его тексте. Прежде всего был отмечен его преимущественно декларативный характер. Так, п. 2 ст. 6 констатирует, что «нарушение настоящего Федерального закона влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации», однако эта ответственность до сих пор не определена. Пожалуй, наиболее строгая критика текста Закона содержится в статье С. П. Кушнерука, который, перечислив многочисленные неточности, двусмысленности ряда формулировок, неполноту, композиционное несовершенство

Закона, определяет его как «закон с явными признаками документной и содержательной уязвимости»¹.

Безусловно, одним из наиболее существенных недостатков Закона является отсутствие определения базового понятия «государственный язык». Примечательно, что Закон о русском языке как государственном, внесенный на рассмотрение Государственной Думы в 2001 г., в феврале 2003 г. был отклонен Советом Федерации в связи с отсутствием четкой терминологии и, в частности, определения понятия «государственный язык»².

Несмотря на закрепление за русским языком правового статуса государственного языка Российской Федерации, остался нерешенным ряд серьезных вопросов правового и лингвистического характера. К их числу относится проблема взаимодействия

¹ Кушнерук С. П. Федеральный закон России о государственном языке как объект документно-лингвистического анализа (часть 1) // Научный диалог. 2012. № 12: Филология. С. 111—123.

² См.: Солодов А. В. Государственный язык Российской Федерации: проблемы легального определения // Российский юридический журнал. 2004. № 3. С. 37—38.

государственного языка Российской Федерации с государственными языками республик в составе России (более 30 национальных языков в настоящий момент также имеют статус государственного). В языковом отношении эта проблема связана с аутентичностью текстов, опубликованных на государственном языке Российской Федерации и на государственных языках республик. Другой проблемой — как лингвистической, так и правовой — является разграничение статусов *государственного языка* и *официального языка*. Кроме того, Законом не определены носители государственного языка. На эти и другие существенные недостатки Закона не раз обращали внимание юристы и лингвисты³.

В связи с этим следует констатировать, что в целом слабая научная разработка документной терминологии как части правовой и — шире — деловой коммуникации имеет множество негативных последствий, причем часто социального и куль-

турного порядка. Для иллюстрации этого тезиса процитируем, например, п. 6 ст. 1 рассматриваемого Закона: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общепотребительных аналогов в русском языке».

С. П. Кушнеруком и другими исследователями достаточно подробно разобрана «странность» синтаксического оформления этой статьи, отражающая ее логическую уязвимость, поэтому остановимся только на содержании сочетания «нецензурная брань», заключенного в скобки. Во-первых, недоумение вызывает само указание на нецензурную брань в статье, в которой говорится о необходимости соблюдать нормы русского литературного языка, поскольку нецензурная брань не входит в состав литературного языка как таковая. Во-вторых, что значительно важнее, сочетание «нецензурная брань» ни в одном из лингвистических терминологических словарей не значится, а потому вряд ли может быть отнесено к терминам или терминологическим выражениям, к тому же ни состав, ни границы этой группы слов в русском общенациональном языке четко не определены. В таком случае вступает в силу интуитивное чувство языка его носителем: в каждом отдельном случае содержание этой группы, степень бранности того или иного «неприятного слова», видимо, определяются субъективно. Об этом справедливо пишет А. Л. Тен: «Что есть “нецензурная брань”, в законодательстве не установлено, а в протоколах из этических соображений “бренные слова” не фиксируются. Из этого следует, что определение тех или иных слов как нецензурной брани является полномочием сотрудников милиции, которые, кстати, не мо-

³ См.: Ляшенко Н. В. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Доровских Е. М. Русский язык: совершенствование правового регулирования // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 39—52; Доровских Е. М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 8—20; Воронежский П. М. Конституционно-правовые проблемы статуса государственных языков республик в составе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009; Васильюк И. П., Насонкин В. В. К вопросу об использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации: правовой аспект // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2010. Т. 5. Вып. 2. С. 200—207; Бороздин М. С. К вопросу о моделях законодательного закрепления языка в качестве государственного // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя Д: Эканоміка, сацыялогія, права. 2012. № 2. С. 70—76.

гут дать определение нецензурной брани и зачастую сами “грешат” таким злословием»⁴. Разумеется, такая неопределенность в понимании нецензурной брани может иметь серьезные правовые последствия.

Таким образом, при исполнении этой части Закона следуют два момента: 1) необходимо учитывать принцип уместности, коммуникативной оправданности употребления той или иной единицы, не входящей в норму русского литературного языка (в теории культуры речи этот критерий прописан достаточно ясно); 2) давно назрела необходимость выпуска словаря русской инвективы, о чем ратует Н. Д. Голев⁵, один из пионеров юрислингвистики в нашей стране. Традиционная и богатейшая русская лексикография, к сожалению, не может в полной мере послужить квалификации инвективной, бранной лексики в условиях правовой коммуникации.

Другой аспект, важнейший в свете рассмотрения основ Закона о государственном языке, — проблема соотношения понятий «современный русский литературный язык» и «государственный язык Российской Федерации» и, как следствие, проблема лингвистического обеспечения Закона. В пунктах 3 и 6 ст. 1 Закона понятия «государственный язык Российской Федерации» и «современный русский литературный язык» употребляются в одном контексте, вызывая неизбежные вопросы об их соотношении друг с другом:

п. 3: порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в ка-

честве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации;

п. 6: при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка... за исключением иностранных слов, не имеющих общепотребительных аналогов в русском языке.

Определение *норм русского литературного языка* содержится в постановлении Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации»: при этом под нормами современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации понимается совокупность языковых средств и правил их употребления в сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации.

Данное определение является случай структурно-логического дефекта нормативного правового акта⁶. Понятие нормы современного русского литературного языка дается через явление, требующее, как указывалось выше, отдельного толкования (государственный язык). Иными словами, нарушено правило, согласно которому определение любого понятия, в том числе правового, должно осуществляться через термины, значения которых уже известны и приняты⁷. Совершенно не ясно, что собой

⁴ Тен А. Л. Нецензурная брань как объект административно-правового регулирования и правосознания. URL: <http://www.buroadvokat.ru/index.php/2010-02-15-2035-09/1013-2011> (дата обращения: 19.04.2016).

⁵ См.: Голев Н. Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы). URL: <http://siberia-expert.com> (дата обращения: 19.04.2016).

⁶ См.: Понкин И. В. Дефекты нормативного правового регулирования // Право и образование. 2016. № 7. С. 8.

⁷ См.: Чиннова М. В. Дефиниции и их использование в нормативно-правовых актах:

представляет совокупность языковых средств и правил их употребления в сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации. В нашем распоряжении, о чем говорилось, нет дефиниции «государственный язык», поэтому, во-первых, невозможно судить о лингвистических характеристиках государственного языка и его нормах, а во-вторых, вновь остается неясным соотношение понятий «литературный язык» и «государственный язык». На коллизиях этих обусловленностей (государственный язык — русский литературный язык — нормы русского литературного языка) остановимся подробнее.

Под литературным языком в лингвистике чаще всего понимается «основная форма существования национального языка, принимаемая его носителями за образцовую; исторически сложившаяся система общеупотребительных языковых средств, прошедших длительную культурную обработку в произведениях авторитетных мастеров слова, в устном общении образованных носителей национального языка»⁸. Среди признаков литературного языка традиционно называют: 1) нормированность; 2) кодифицированность; 3) относительную стабильность (историческую устойчивость, традиционность); 4) полифункциональность; 5) развитую вариативность и гибкость, что обеспечивает параллельные способы выражения и языковую свободу личности. Хорошо известны трудности, связанные с определением хронологических границ современного литературного языка: применительно к русскому литературному языку левой границей называют различные периоды — эпоху А. С. Пушкина, конец XIX в., 1920—

1930-е гг., послевоенное время, послеперестроечное время.

При кажущейся схоластичности этого вопроса его решение принципиально важно для понимания того, на какие нормы современного русского литературного языка должен опираться русский язык как государственный, а следовательно, какие грамматики и словари должны считаться авторитетными при выявлении нарушений. Как известно, нормы русского литературного языка не остаются неизменными, что находит отражение при кодифицирующей деятельности лингвистов — различаются грамматики и словари не только разных эпох, но и одного хронологического среза, что демонстрирует различие подходов их авторов к изменениям в языке.

Вопрос обеспечения Закона о русском языке как государственном нормативными грамматиками, словарями и справочниками и современное состояние этого вопроса достаточно хорошо освещены в статье Л. А. Вербицкой⁹, где приводится перечень из 47 грамматик, словарей и справочников, рекомендуемых в качестве научно-информационного ресурса при реализации закона о русском языке как государственном. О том же говорится и в постановлении Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714.

Однако проблема лингвистического обеспечения русского языка как государственного языка Российской Федерации не может быть разрешена через определение корпуса нормативных грамматик и словарей, созданных прежде всего для нужд русского литературного языка. До сих пор не решен и даже не поставлен главный теоретический вопрос: совпадают ли лингвистические характеристики русского языка как госу-

дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 109.

⁸ Трошева С. Б. Литературный язык // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд. М., 2011. С. 208.

⁹ См.: Вербицкая Л. А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // Российский гуманитарный журнал. 2015. Vol. 4. № 2. С. 90—97.

дарственного и современного русского литературного языка?

Среди сфер использования государственного языка, а следовательно, и сфер применения указанных нормативных грамматик и словарей в качестве «справочных опор» обозначены СМИ и реклама. Однако СМИ и тем более реклама нередко построены на принципе противодействия существующим нормам русского литературного языка, прописанным в авторитетных грамматиках и словарях. Сходными качествами часто характеризуются и тексты художественной литературы.

Разнообразие функций языка, используемого при осуществлении государственной коммуникации, обуславливает его неоднородность. Аналогичный вывод можно сделать из перечисленных в Законе сфер его использования. Так, сферы (а точнее — функции), указанные в п. 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8 ч. 1 ст. 3, осуществляются при помощи языковых средств официально-делового стиля, тогда как п. 3 (проведение и подготовка выборов и референдумов) и п. 9 (деятельность СМИ) предполагают использование языковых средств, относящихся к публицистическому стилю. Вследствие неоднородности языковых средств, используемых в осуществлении государственной коммуникации, возникает вопрос о том, на какие языковые нормы следует опираться при оценке текстов, порождаемых в ходе этой коммуникации. Среди неспециалистов бытует мнение об однородности языковых норм во всех видах литературных текстов, однако очевидно, что в каждом функциональном стиле существует своя система норм, которая допускает различную степень нарушений и отклонений от нее.

Итак, ключевой в рассматриваемом аспекте следует признать проблему соотношения русского языка как государственного и современного русского литературного языка. Возможны три варианта соотношений этих понятий: 1) как двух различ-

ных феноменов, не имеющих ничего общего; 2) как общего и частного; 3) как частично пересекающихся явлений. Первый вариант должен быть отвергнут, поскольку в этом случае русский язык не может быть использован в качестве средства осуществления государственной коммуникации (объект государственной коммуникации — общество).

Традиционно исходят из того, что русский язык как государственный является одной из функций русского литературного языка. Это следует из традиционного выделения в рамках русского литературного языка функциональных стилей, среди которых упоминается и деловой стиль. Действительно, три признака литературного языка — нормированность, кодифицированность, относительная стабильность — вполне применимы к деловому стилю. Однако обратившись к определению литературного языка («исторически сложившаяся система общеупотребительных языковых средств, прошедших длительную культурную обработку в произведениях авторитетных мастеров слова, в устном общении образованных носителей национального языка»¹⁰), можно увидеть, что ряд дефиниционных признаков у языка правовой коммуникации будет отсутствовать. Вряд ли все языковые средства, используемые в правовой коммуникации, могут быть отнесены к числу общеупотребительных. Что же касается указания на то, что языковые средства прошли «длительную культурную обработку в произведениях авторитетных мастеров слова», то оно и вовсе неприменимо к правовой коммуникации. Дело в том, что литературный язык является результатом обработки языковых средств естественной коммуникации, от которой государственная коммуникация существенно отличается, так как ее субъектом выступает власть в форме государства и государственных ин-

¹⁰ Трошева С. Б. Указ. соч. С. 208.

ституты. Во-первых, это сущности, имеющие обобщенную референцию; во-вторых, они наделены властью, при помощи которой могут навязывать — и навязывают — свои номинации обществу, что создает потенциальную конфликтогенность государственной коммуникации. В рамках естественной коммуникации у адресата есть возможность отвергнуть навязываемую номинацию, в правовой же коммуникации адресат лишен этой возможности. Это одна из причин, почему в деловых текстах присутствуют языковые средства, не относящиеся к числу употребительных.

В последние годы распространился взгляд на деловой язык не как на стабильную систему языковых средств, а как на определенный вид деятельности. В ходе этой деятельности естественный язык перекодируется юридическим кодом и приобретает признаки искусственного языка. Одним из первых исследователей, задавшихся этим вопросом, была Т. В. Губаева, которая продемонстрировала процесс перекодирования разговорной речи в деловую на примере протоколов допросов¹¹. На современном этапе подход к деловому языку как к результату перекодирования естественного языка разрабатывается в трудах Н. Д. Голева и О. П. Соллогуб, которые называют процесс перекодирования юридизацией и официализацией соответственно¹². Одним из следствий этого

процесса является «невозможность использования языка права без специальной подготовки»¹³. Изложенный подход можно отнести к третьему варианту соотношения русского литературного языка и государственного языка (в частности, языка права).

Какое практическое значение имеет решение этой проблемы? Если считать государственный язык образованием, лишь частично связанным с русским литературным языком, то возникают вопросы, касающиеся: 1) определения меры допустимого использования грамматик и словарей современного русского литературного языка для оценки нарушений в процессе функционирования русского языка как государственного; 2) необходимости специальных словарей для лингвистического обеспечения Закона. Если ответ на первый вопрос может иметь дискуссионный характер, то на второй вопрос он должен быть однозначно положительным. Конечно, специальные словари нужны, особенно в области терминов.

Однако государственный язык, в частности язык права, должен ориентироваться и на русский литературный язык — оторвавшись от него, он быстро станет «вещью в себе» (*ding in sein*) и прекратит выполнять функцию инструмента государственной коммуникации. Это налагает ответственность и на тех, кто создает «образцы» государственной коммуникации (законы, постановления и др.): многие документы, к сожалению, косноязычны и создают впечатление автоматизированного перевода. Язык ряда законодательных актов зачастую оказывается одним из «мощных барьеров отчуж-

¹¹ См.: Губаева Т. В. Стилистико-смысловые свойства протоколов допроса // Типология текста в функционально-стилистическом аспекте. Пермь, 1990. С. 133—139.

¹² См., например: Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 9—44; Соллогуб О. П. Соотношение стихийного и регулируемого начал в современной деловой речи (на материале обращений в официальные инстанции) // Известия Алтайского университета. 2004. Вып. 4. С. 52—57; Соллогуб О. П. О глу-

бине официализации делового текста и методике ее измерения // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 6. С. 248—251.

¹³ Вавилова А. А. Некоторые теоретические аспекты соотношения права и языка // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2006. № 5. С. 135.

дения, гигантской полосой препятствий между государством (принуждающим к исполнению законов) и гражданами»¹⁴. Действительно, чем сложнее и путаннее писаны законы, тем больше пропасть между государством и людьми. И в этом также кроется проблема языковой безопасности — безопасности от «атаки» чиновничьего языка на человека, пытающегося быть законопослушным.

Чрезвычайно актуально и современно звучит призыв русского государственного деятеля XIX в. М. Л. Магницкого к творцам государственных законов: «Деловой и государственный язык чистый, сильный и приятный сделался необходимым»¹⁵. О том же говорят и юристы сегодняшнего времени, однако отчуждение от закона по причине сложного его понимания с каждым годом становится ощутимее: «Неоправданная громоздкость законодательных формулировок, “многосложность” текста, наличие сложных по смыслу текстовых конструкций сильно затрудняют использование законодательства, затеняя и скрывая смысл норм права. Поэтому неэкономичность и пространственность стиля нормативного правового акта не могут быть оправданы ни традициями правовой системы, ни стремлением (обычно неумелым) к полноте правового регулирования, ни другими факторами»¹⁶.

Законодатели отказались дать определение государственному языку в Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации». Учитывая тот факт, что с момента принятия Закона прошло

более 10 лет, приходится признать справедливость слов В. М. Баранова и М. Д. Хайретдиновой: «В юридической литературе и практике до сих пор не осознана социальная опасность отсутствия ключевых понятий... В том числе и поэтому многие законодательные дефиниции при общем признании их необходимости не формулируются десятилетиями»¹⁷. В случае с понятием «государственный язык» отсутствие правовой дефиниции вызвано, несомненно, и трудностью ее создания, в том числе по причине отсутствия основательной лингвистической разработки проблемы.

Какими могли бы быть исходные принципы для формирования этой дефиниции? Под государственным языком следует понимать язык, используемый для осуществления государственной коммуникации. «Чтобы государство могло возникнуть и существовать как организация, его члены должны не только обмениваться между собой определенной информацией, но и понимать ее. Они могут владеть различными языками, но один из них должен быть общим (единым) языком для всех членов данного государства или, по крайней мере, для большей их части. При этом речь идет не только о естественных языках — русском, английском, немецком, французском, итальянском, испанском и т. д., но и о так называемых искусственных или специализированных языках»¹⁸. Возможно, в таком аспекте государственный язык равен официально-

¹⁴ Грозовский Б. Пластмассовый язык законов. URL: https://slon.ru/russia/plastmassovyy_yazyk_zakonov-258794.xhtml (дата обращения: 19.04.2016).

¹⁵ Магницкий М. Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М., 1835. С. 18.

¹⁶ Тихомиров Ю. А. Как готовить законы. М., 1992. С. 35—36.

¹⁷ Баранов В. М., Хайретдинова М. Д. О законодательной дефиниции понятия «вопрос государственного значения» // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: матер. Междунар. круглого стола (Черновцы, 21—23 сентября 2006 г.). Н. Новгород, 2007. С. 319.

¹⁸ Гомеров И. Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М., 2002. С. 479.

му, и нормы русского литературного языка, указанные в перечне «грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации»¹⁹, в данном случае исполняются в полной мере.

Важно и то, что нормы русского литературного языка следует рассматривать широко — не только как феномен вербального уровня, но и как этико-культурное явление. В традиционном их определении всегда учитывался этот аспект, называемый «социальным». В условиях нынешнего глобального нашествия многоликих языковых явлений на русский язык и неизбежного отражения этого нашествия в мировоззрении, духовных, культурных устоях населения страны проблема языковой безопасности как государственная проблема не может не вызывать тревоги: «Социальный аспект нормы проявляется не только в отборе и фиксации языковых явлений, но и в системе их оценок (правильно — неправильно, уместно — неуместно), причем эти оценки включают и эстетический компонент (красиво — некрасиво)»²⁰. Разработке этого вопроса следует также уделить самое пристальное внимание.

Будучи ядром политической коммуникации, субъектами которой выступают политические деятели, политические организации, государство и другие социально-политические институты, а объектом — общество в целом, государственная коммуникация структурно организована и в зависимости от выполняемых функций делится на внешнегосударственную и внутригосударственную. Последняя по причине своей многофункциональности имеет чрезвычайно сложный характер,

научную разработку которого следует воспринимать как более чем назревшую.

Ядром государственной коммуникации, по справедливому замечанию О. П. Соллогуб, следует считать правовую коммуникацию, которая реализуется в законодательной и судебной сферах деятельности (законодательная и юрисдикционная коммуникация); деловая коммуникация связана с деятельностью органов исполнительной власти. Юридический язык как код правовой коммуникации задает образцы нормативности, имеет высокую степень легитимности; его статус утверждается государственным органом, легитимность придается не только языку в целом, но и его частным компонентам — структуре, терминологии, семантике²¹. Очевидно и то, что сфера государственной коммуникации безусловно шире сферы правовой коммуникации, поэтому русский язык как государственный язык Российской Федерации невозможно свести к деловому языку. Однако вопрос о границах государственного языка по-прежнему остается открытым.

Следует признать, что теория государственного языка Российской Федерации в данный момент все еще находится в стадии разработки²². Формулировка строгих дефиниций государственного языка относительно литературного, общенационального, делового, официального и др., определение норм государственного языка, границ его функционирования требуют

¹⁹ См. постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714.

²⁰ Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 337.

²¹ См.: Соллогуб О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте. Новосибирск, 2008. С. 96—111.

²² См.: Тренин Е. В. Государственно-правовые проблемы языка в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999; Ляшенко Н. В. Указ. соч.; Доровских Е. М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык». С. 8—20; Стернин И. А. Государство и язык // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 61—65.

серьезных усилий не только лингвистов и юристов, но и представителей других гуманитарных наук (социологов, историков, политологов и др.). Настоящая статья — это лишь попытка отметить ряд очевидных проблем, возникающих при

чтении, но больше — при желании следовать Закону, это призыв работать над его совершенствованием, поскольку его социальное, культурное и государственное значение в России бесспорно высоко и более чем актуально.

Библиографический список

- Баранов В. М., Хайретдинова М. Д. О законодательной дефиниции понятия «вопрос государственного значения» // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: матер. Междунар. круглого стола (Черновцы, 21—23 сентября 2006 г.). Н. Новгород, 2007.
- Бороздин М. С. К вопросу о моделях законодательного закрепления языка в качестве государственного // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серія D: Эканоміка, сацыялогія, права. 2012. № 2.
- Вавилова А. А. Некоторые теоретические аспекты соотношения права и языка // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2006. № 5.
- Василук И. П., Насонкин В. В. К вопросу об использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации: правовой аспект // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2010. Т. 5. Вып. 2.
- Вербицкая Л. А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // Российский гуманитарный журнал. 2015. Vol. 4. № 2.
- Воронецкий П. М. Конституционно-правовые проблемы статуса государственных языков республик в составе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009.
- Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000.
- Голев Н. Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы). URL: <http://siberia-expert.com> (дата обращения: 19.04.2016).
- Гомеров И. Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М., 2002.
- Грозовский Б. Пластмассовый язык законов. URL: https://slon.ru/russia/plastmassovyy_yazyk_zakonov-258794.xhtml (дата обращения: 19.04.2016).
- Губаева Т. В. Стилистико-смысловые свойства протоколов допроса // Типология текста в функционально-стилистическом аспекте. Пермь, 1990.
- Доровских Е. М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. 2007. № 12.
- Доровских Е. М. Русский язык: совершенствование правового регулирования // Журнал российского права. 2007. № 4.
- Кушнерук С. П. Федеральный закон России о государственном языке как объект документно-лингвистического анализа (часть 1) // Научный диалог. 2012. № 12: Филология.
- Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Ляшенко Н. В. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
- Магницкий М. Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М., 1835.
- Понкин И. В. Дефекты нормативного правового регулирования // Право и образование. 2016. № 7.
- Соллогуб О. П. Соотношение стихийного и регулируемого начал в современной деловой речи (на материале обращений в официальные инстанции) // Известия Алтайского университета. 2004. Вып. 4.
- Соллогуб О. П. О глубине официализации делового текста и методике ее измерения // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 6.
- Соллогуб О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте. Новосибирск, 2008.

Солодов А. В. Государственный язык Российской Федерации: проблемы легального определения // Российский юридический журнал. 2004. № 3.

Стернин И. А. Государство и язык // Политическая лингвистика. 2010. № 2.

Тен А. Л. Нецензурная брань как объект административно-правового регулирования и правосознания. URL: <http://www.buroadvokat.ru/index.php/2010-02-15-20-35-09/1013-2011> (дата обращения: 19.04.2016).

Тихомиров Ю. А. Как готовить законы. М., 1992.

Тренин Е. В. Государственно-правовые проблемы языка в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999.

Трошева С. Б. Литературный язык // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд. М., 2011.

Чиннова М. В. Дефиниции и их использование в нормативно-правовых актах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.